

УСИЛЕНИЕ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКИЙ СЕГМЕНТ РЫНКА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ. АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Дата поступления в редакцию: 10.06.2022.

Для цитирования: Усиление санкционного давления на российский сегмент рынка энергоресурсов. Актуальные интервью / М. Р. Салихов, И. В. Юшков, С. П. Митрахович. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 6–33 DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Ключевые слова: экономические санкции, эмбарго на экспорт нефти, угля, динамика цен на энергоносители, геополитические факторы, мировой энергетический рынок, рынок энергоресурсов ЕС.

В материале представлены аналитические оценки ведущими экспертами ситуации на мировых энергетических рынках на фоне усиления санкционного давления со стороны коллективного Запада на российские энергетические компании, на экспортёров энергоносителей и тотальных логистических, финансовых и прочих ограничений по отношению ко всем участникам рынкам под угрозой вторичных санкций. Анализ геополитических, экономических последствий влияния этих санкций на участников мирового рынка, проведённый экспертами, позволяет обосновать новые тренды развития сектора.

Усиление санкционного давления на российскую экономику в большей степени получило развитие в сфере финансовых, страховых ограничений по сопровождению логистических операций и как отказ от поставок российских энергоресурсов в шестом пакете. По факту принятие шестого пакета, включающего добровольный отказ ЕС от поставок российской нефти (за исключением поставок по трубопроводу «Дружба»), стало мощным фактором, стимулирующим рост дефицита и цен на нефть на мировых рынках. При этом возникли достаточно серьёзные риски и для российских экспортеров, что отразилось на ценовом спреде. С другой стороны, часть экспертов склонны видеть в сложившейся ситуации потенциал роста и реальные

стимулы для переориентации на восточных потребителей для российских экспортеров энергоносителей. В этой связи редакция журнала продолжает серию бесед с ведущими экспертами в области энергетического сотрудничества России с основными партнёрами о ситуации на мировых энергетических рынках и факторах, на неё влияющих. Анализ актуальных и острых тем направлен на формирование объективной картины происходящего.

Беседы провела главный редактор Аза Мигранян.

Марсель САЛИХОВ

Аза Мигранян: *Как Вы оцениваете сегодня ситуацию на мировых энергетических рынках?*

Марсель Салихов: Если в целом говорить о текущей ситуации на мировом рынке нефти, не привязываясь к российским поставкам, то мировой рынок находится в дефиците.

В текущих условиях предложение не покрывает имеющийся спрос. Это прослеживается как в показателях запасов, которые всё равно либо остаются стабильными, либо снижаются, так и в мировых ценах на нефть, которые уже устойчиво превышают 100 долл. за баррель — уровень, не так давно казавшийся недостижимым. Всё это говорит о том, что рынок в целом находится в дефиците. Любые перебои либо ограничения на предложения, в том числе связанные с санкциями против России, либо ввод эмбарго в этих условиях будут приводить к дальнейшему росту цен. Это связано с тем, что свободных мощностей мало, и любое сокращение предложения будет транслироваться в рост цен, что и прослеживается по ситуации за последние несколько месяцев.

А. М.: *Скажите, пожалуйста: продажа Соединёнными Штатами своих резервов и рассмотрение этой же возможности другими странами являются способом временного переживания дефицита? Или мы имеем критерий, который говорит об усугублении ситуации дефицита в будущем?*

М. С.: В целом понятно, что продажа нефти из стратегических резервов может дать какое-то время и сгладить ценовые шоки. Но в любом

САЛИХОВ Марсель Робертович, президент Института энергетики и финансов, главный директор по экономическому направлению, кандидат экономических наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, Архангельский пер., 101000, д. 7. **E-mail:** info@fief.ru. **SPIN-код:** 9493-3066. **ORCID:** 0000-0002-7489-3230.

случае её характер временный. Фундаментально продажа стратегических резервов не влияет на баланс спроса и предложения.

С другой стороны, понятно, почему Соединённые Штаты приняли решение сейчас продавать нефть из резервов. Потому что это решение обеспечивает дополнительный приток в размере одного миллиона баррелей в сутки на следующие полгода. Это позволяет уменьшить существующий дефицит. Без продажи резервов дефицит был бы ещё больше, цены были бы выше, потому что рынок сейчас очень узкий. Соединённые Штаты рассчитывают, что эти полгода их сланцевая добыча сможет обеспечить дополнительный прирост предложения. Вполне возможно, что в этом году добыча сланцевой нефти вырастет на 1–1,2 млн баррелей в сутки.

С другой стороны, возможно, что появятся новые источники предложения из санкционных стран, в первую очередь Ирана и Венесуэлы. Сейчас этого пока ещё не происходит, вопрос по санкциям Ирана пока не решён, но на горизонте 6 месяцев новое предложение может появиться со стороны Ирана, и это тоже поможет рынку. Я думаю, что их стратегия примерно такая. В последние месяцы Венесуэла и Иран стали увеличивать объёмы поставок на мировой рынок даже без снятия санкций, так как фактически западные страны не будут вводить вторичные санкции и заинтересованы в росте предложения.

А. М.: На этом фоне, очевидно, вырисовывается тренд увеличения потерь российских экспортёров, в силу того что появляются новые экспортёры, способные заместить российскую нефть. Кроме того, учитывая те условия, при которых маржа дисконта достаточно велика, можем ли мы прогнозировать ускоренное сокращение объёмов добычи и потерю рынков?

М. С.: Важный вопрос здесь заключается в цифрах — на сколько произойдёт сокращение экспорта, на сколько произойдёт сокращение добычи. По данным за последние 3 месяца, добыча в апреле довольно сильно сократилась, примерно на 8–9 % по отношению к февралю. При этом в мае уже началась стабилизация. Всё благодаря тому, что были найдены новые покупатели, логистика и транспортировка нефти отчасти переориентировались на азиатские рынки. В мае, скорее всего, мы увидим рост добычи на несколько процентных пунктов. Но надо понимать, что это всё происходит без ввода эмбарго со стороны Европейского союза, который с высокой степенью вероятности всё-таки будет введён. Ввод эмбарго будет означать дополнительный стресс, дополнительный шок для российской нефтяной промышленности. Мы думаем, что даже при перенастройке, при замещении поставок, которые были ориентированы на азиатские рынки, произойдёт сокращение добычи и сокращение экспорта.

А. М.: Следовательно, для России более вероятен сценарий постепенного восстановления за счёт формирования новых логистических цепочек, способов

обхода различного рода ограничений, связанных с ограничениями, с портами, с перемещением, со страховками. Тем не менее в целом мы должны предусматривать более худшие сценарии развития событий.

М. С.: Ожидается, что в этом году добыча нефти сократится на 10 %, с 525 до 470 млн т, сокращение продолжится и в 2023 г. Потом будет некая стабилизация на уровне 460–470 млн т. В долгосрочной перспективе часть добычи всё равно будет потеряна, примерно 10 % добычи сократится и не будет восстановлено.

А. М.: *Когда мы говорим о нефтяной отрасли, очевидно, что наиболее уязвимым местом для российских производителей, добывающих ресурсных компаний является импортозамещение нефтесервисных компонентов — различного рода присадок, элементов, катализаторов. Есть ли перспективы импортозамещения либо нам надо будет переориентироваться на более низкокачественный импортный аналог из третьих стран?*

М. С.: Мне кажется, здесь нет какого-то общего вектора. Это бинарная составляющая — либо всё производить самим, либо всё замещать из других стран. В каких-то случаях имеет смысл обеспечивать собственное производство, в каких-то случаях имеет смысл завозить. В целом нефтесервис, базовый нефтесервис и основная часть материалов, исходного сырья производятся внутри российскими компаниями.

Например, буровые установки в значительной степени завозились из Китая, потому что Китай производит достаточно качественное оборудование, и при этом оно более доступно по цене по сравнению с западными компаниями. В связи с чем многие нефтяники и переориентировались именно на китайские буровые установки ещё до ввода ограничений.

Мы сильно зависим от западных нефтесервисных компаний *Schlumberger*, *Baker Hughes*, *Halliburton* именно в части программного обеспечения, доступа к данным, высокотехнологичных работ, дополнительных методов повышения нефтеотдачи. Именно такой сегмент рынка сильно зависит от западных технологий, и он будет просаживаться.

При этом даже в Китае или каких-то других странах нет аналогичных предложений, аналогичных компаний, которые могут обеспечивать подобные услуги. Потому что *Schlumberger* работает глобально, они собирают информацию о бурении по всему миру, у них есть уникальная база данных. Заместить такой опыт невозможно.

Но надо понимать, что ожидается 10 % сокращения добычи. Это означает, что потребность в каких-то новых инвестициях снижается. Соответственно, если добыча будет снижаться, то и дополнительные инвестиции в обустройство месторождений будут откладываться. Сейчас складывается ситуация, в

которой рынок, российская экономика и нефтяная промышленность проходят трансформацию. В связи с чем особенных проблем... отсутствие доступа к суперсовременным технологиям не представляет проблему с точки зрения текущих показателей добычи, потому что добыча будет снижаться из-за сложностей с экспортом, с переориентацией поставок на другие рынки.

А. М.: Есть ли существенные отличия ситуации на газовом рынке в связи с другой архитектурой, ценообразованием и покупателями? Какая на данный момент ситуация на мировом рынке газа? Каковы перспективы рынка Евросоюза с точки зрения отказа от оплаты в рублях, введения эмбарго на российский газ? Особенно учитывая закрытие доступа к газораспределительной станции Украины — есть ли перспективы для России переориентироваться на другие рынки?

М. С.: В целом да, рынки газа и нефти сильно отличаются. Фундаментально основные отличия связаны с тем, что транспортировка нефти — достаточно отлаженный процесс с помощью в первую очередь танкеров, морских перевозок, а транспортировка газа осуществляется сложно. Требуется либо строительство дорогих, дорогостоящих трубопроводов, либо инфраструктура сжижения, разжижения природного газа. Это означает, что из-за сложности транспортировки глобальный рынок газа в каком-то смысле формируется, но его нет.

Мы говорим в первую очередь о каких-то отдельных региональных рынках — это Северная Америка, Европа и Азия. За последние годы за счёт того, что сегмент СПГ развивался, эти рынки становились более связанными между собой. Уровень цен сближался из-за того, что появляется всё больше, больше и терминалов по приёму, и заводов по сжижению СПГ. Таким образом, рынки становятся более взаимосвязанными. Тем не менее общего рынка нет.

Если в данный момент рассмотреть уровни оптовых цен в Соединённых Штатах — 250 долл. за тыс. куб. м, в Европе на споте это 1000 долл. Это означает, что рынки всё равно остаются разрозненными. Хотя можно ожидать, что конвергенция основных региональных рынков будет продолжаться, по мере того как сегмент СПГ будет развиваться.

Что касается конкретно европейского рынка, то сейчас для него как раз основным фактором является отказ от российского газа. Это политическое решение, которое принято. В начале марта был предложен план под названием *RePower Europe* от Европейской комиссии. 18 мая был опубликован уточнённый план, который подразумевает, что до 2030 г. произойдёт полный отказ от поставок российского газа.

Что это означает? Для Евросоюза это означает, что в обозримой перспективе на европейском рынке будут сохраняться высокие цены. Если в прошлом году мы ожидали, что текущая цена (1000 долл.) — это экстремаль-

ный вариант, и ожидалось, что цены вернутся к 250—300 долл., то сейчас — что в обозримой перспективе цена на европейском рынке будут на уровне 500—600 долл. за 1 тыс. куб. м. Это необходимо, чтобы европейский рынок был привлекательным для отличных от российских поставщиков, чтобы у них был стимул поставлять на европейский рынок.

Это происходит уже сейчас: цены в Европе были выше, чем в Азии, соответственно свободный СПГ отчасти переориентировался с Азии на Европу. Это уникальная ситуация, поскольку обычно Азия была премиальным рынком. Сейчас это место занимает Европа. Соответственно, в Европе газ будет дороже, и это долгосрочно. Европа будет ориентироваться в первую очередь на СПГ, и, скорее всего, это будут заключены контракты с Катаром, с американскими компаниями, которые будут строить заводы по сжижению СПГ.

Сокращение экспорта и отказ от российского газа в Европе — это долгосрочный тренд, с которым нам придётся смириться. Россия в этих условиях всё равно для европейского рынка с точки зрения трубопроводных поставок является ключевым поставщиком, 75 % общего экспорта приходится на Европейский союз. Вся инфраструктура газотранспортной системы, по большому счёту, ориентирована на европейские страны, на европейский рынок. Сейчас это означает, что Россия будет терять своего ключевого покупателя и необходимо обеспечивать замещение. Здесь возможности по строительству новых СПГ-заводов ограничены.

Сейчас невозможно без западных технологий быстро построить крупный завод. «Арктик—2», проект от «Новатэка», уже столкнулся с проблемами. Скорее всего, они введут первую очередь завода, 6,6 млн т, а ситуация со второй очередью пока неизвестна. «Новатэк» не комментирует информацию о том, как они будут справляться с этой проблемой, потому что завод строился с использованием технологии немецкой компании *Linde*. Переориентироваться на строительство нового СПГ быстро невозможно. Несмотря на то что есть и российские, и китайские технологии, переход на них займёт более чем 5 лет. Завод в среднем строится 4—5 лет при учёте использования готовых коммерческих технологий. Поэтому, скорее всего, в России произойдёт отмена большей части запланированных СПГ-заводов: они будут либо заморожены, либо отложены.

В этом случае вариантом остаётся трубопроводный экспорт, в первую очередь с использованием имеющейся инфраструктуры. У России есть перспективы на рынке Турции в связи с ростом рынка и потребления природного газа в этой стране. Газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток» дают возможность увеличивать поставки на турецкий рынок. Отдельно необходимо отметить, что Турция платит по рыночным ценам, тогда как Белоруссия и Армения платят цены ниже рыночных. В связи с чем необходимо ориентироваться не только на объёмы прокачки, но и на цены, по которым продаётся газ.

Ключевым может быть китайский рынок, потому что Китай тоже будет увеличивать потребление газа, а СПГ будет дорогим глобально. Китаю может быть вполне выгодно увеличивать импорт трубопроводного газа, и они будут готовы заключать новые контракты. Важно оперативно договариваться относительно «Силы Сибири – 2» и начинать строительство этого газопровода. Возможно, какие-то объёмы можно дополнительно поставлять в Китай с использованием уже готовой инфраструктуры стран Центральной Азии. В целом это достаточно сложные задачи, потому что сейчас 150 млрд куб. м экспорта находятся под угрозой, они сократятся до 2030 г. Необходимо найти альтернативные рынки, альтернативного покупателя, в случае газа для этого требуется инфраструктура. Строительство её занимает время. Поэтому мы считаем, что в первую очередь нужно рассматривать те возможности, которые позволяет реализовать уже существующая инфраструктура.

А. М.: Перспективен ли выход на рынки таких стран, как, предположим, Пакистан, Индия, через давно рекламируемые, но безуспешные трубопроводы типа ТАПИ и так далее? И насколько здесь можно полагаться на наших партнёров в СНГ, таких как Туркмения и Казахстан?

М. С.: ТАПИ – это проект, который уже давно существует на бумаге, обсуждается на протяжении лет 20, однако никакого продвижения не происходит. Реализация подобных проектов достаточно рискованна, поскольку она затрагивает много территорий и стран, в том числе политически нестабильных. ТАПИ должен проходить через Афганистан – непонятно, насколько можно гарантировать надёжность там газопровода. Конечно, имеет смысл обсуждать эти проекты, искать финансирование, привлекать иностранных партнёров. Но вместе с тем это не те проекты, которые можно реализовать в ближайшие годы.

В связи с этим более приоритетным должен быть проект «Сила Сибири – 2», который проходит через Россию в Монголию, соответственно возможна и газификация Монголии, и поставка топлива потребителям. Проект ТАПИ, в свою очередь, уже второй приоритет.

А. М.: Тем не менее диверсификация рынков должна происходить, несмотря на сложность реализации из-за специфичности газовых активов, которые привязаны к технологии? Получается, что этот тренд на сегодняшний день с санкциями осложнён для России, но крайне необходимо его реализовать? И последний вопрос: каковы ваши прогнозы с точки зрения взаимодействия в рамках ОПЕК либо создания подобной организации или соглашения на газовом рынке?

М. С.: Я думаю, что формат ОПЕК и ОПЕК+ будет сохраняться, потому что это в целом отвечает интересам всех участников. Несмотря на те слож-

ности, которые сейчас будут у России с точки зрения выполнения своих обязательств по добыче, в рамках ОПЕК подобная ситуация нормальна и существует на протяжении десятилетий. К примеру, Иран также входит в ОПЕК и продолжает оставаться под санкциями.

Поэтому формат координации коллективных действий крупнейших экспортёров нефти отвечает интересам глобального рынка. В какие-то моменты роль ОПЕК+ объективно снижается. Сейчас она снижается, потому что у многих стран есть какие-то другие приоритеты, не связанные с выполнением всех обязательств в рамках ОПЕК+, у России в том числе. Вполне возможно, что Саудовская Аравия и ОАЭ будут увеличивать добычу и отчасти замещать Россию, поскольку это тоже их коммерческий интерес.

Понятно, что в рамках таких коллективных структур все страны в первую очередь преследуют свои собственные экономические интересы, а потом уже думают о глобальной координации. Поэтому я думаю, что ОПЕК+ будет существовать в ближайшие годы в более формальной степени, чем реальная структура, решения которой влияют на рынок, потому что сейчас увеличение квот в рамках ОПЕК+ с точки зрения предложения рынка мало на что влияет. С другой стороны, время пройдёт — вполне возможно, что значимость ОПЕК+ снова вернётся.

Что касается какой-то координации по рынку газа, есть Форум стран — экспортёров газа (ФСЭГ), который объединяет крупнейших производителей — экспортёров газа, членом которого является Россия.

Пока он выполняет скорее аналитическую и совещательную роль, но в рамках ФСЭГ не принимаются какие-то решения, которые объективно могут влиять на рынок. Это связано с тем, что инфраструктура и специфичность активов и взаимосвязи между производителями и потребителями на рынке газа носят более сложный характер. Все связаны друг с другом в большей степени именно с точки зрения инфраструктуры, так как газ — более капиталоемкий бизнес.

Координацией в рамках ОПЕК, условно говоря, котируется добыча нефти. Если думать теоретически о том, какой механизм может быть, то скорее квотирование добычи газа — это стратегия, которая не очень эффективна, поэтому не стоит даже её обсуждать. Вполне возможно, что страны — крупные экспортёры могут объединяться в рамках организации какой-то общей торговой площадки для продажи СПГ. Такие форматы могут быть вполне интересны, о них можно договариваться, их можно обсуждать. Но какие-то квоты или ещё что-то такое — я думаю, что для рынка газа это не очень релевантно.

А. М.: В контексте различного рода взаимодействия, организационного и институционального, формирующиеся общие рынки ЕАЭС что-то дают? Влияют ли они на ситуацию внутри евразийского пространства? Или это пока ещё формализованный клуб, где интересы противоречат друг другу?

М. С.: В рамках ЕАЭС есть только Россия и Казахстан как производители газа. Интерес других стран, Белоруссии, Армении и Киргизии, сводится к тому, чтобы цены на газ были низкими и были сопоставимы с теми ценами, которые наблюдаются в России и в Казахстане.

То есть можно вести речь, допустим, тоже о какой-нибудь электронной торговой площадке, которая будет давать возможность производителям газа, в том числе независимым производителям, в России — это не только «Газпром», а та же «Роснефть», «Новатэк», «Лукойл», — чтобы они могли продавать свой газ, экспортировать его с использованием имеющейся инфраструктуры. В России существует биржевая торговля газом, которая осуществляется на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже (*SPIMEX*). В пределах России можно покупать газ на бирже. Наверное, имеет смысл подобный формат распространить на рынке ЕАЭС, имеет смысл обсуждать. Это позволит повысить эффективность работы рынка, но с точки зрения объёмов российского рынка или какого-то влияния на рынок это всё-таки не очень важные величины.

Игорь ЮШКОВ

Аза Мигранян: *Ситуация вокруг энергетического сектора России остаётся одной из наиболее значимых, в особенности на фоне тех глобальных трансформаций, которые ежедневно продолжают наращивать свою остроту, темпы и скорость дополнительных ограничений. В связи с этим у редакции возник вопрос: каково текущее положение на мировых энергетических рынках и непосредственно на рынке российских энергоресурсов в условиях уже действующих пяти пакетов санкций?*

Игорь Юшков: Полноценный энергетический кризис сформировался ещё до санкционного давления на Россию. Нефть, газ, уголь начали дорожать уже в 2021 г. Этому есть несколько объяснений. Основной причиной является недофинансирование всей энергетической отрасли, нефть, газ и уголь подверглись давлению по двум причинам.

Первой причиной является климатический курс Евросоюза, который годами оказывал влияние на энергетические компании призывами не инвестировать в новые проекты в нефтегазовой и угольной отраслях, поскольку

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136.

это провоцирует увеличение выбросов в атмосферу, что противоречит политике декарбонизации. На фоне постоянных заявлений инвестиционный потенциал отрасли, естественно, уменьшается.

Для этого Евросоюз использовал два инструмента. С одной стороны, всячески оказывалось давление на сами компании, угрожая имиджевыми издержками.

Многие энергетические гиганты в последние годы производят ребрендинг: норвежская компания *Statoil* теперь называется *Equinor*; французская *Total*, которая по названию никак не ассоциируется с нефтью, чтобы подчеркнуть смену вектора к новым источникам энергии, переименовалась в *TotalEnergies*. Считается, что электроэнергетика — это более экологичный тип энергии, потому что она ассоциируется с выработкой ветряками и солнечными панелями.

Курс на декарбонизацию направлен на то, чтобы добыча нефти и газа максимально осуждалась обществом. Соответственно, компании, работающие в этой отрасли, терпят серьёзные удары по имиджу. Были прецеденты, когда даже судебная система оказывала давление на энергетические корпорации.

В 2021 г. суд Нидерландов начал разбирательство против компании *Shell* по причине медленного развития программы декарбонизации, то есть отказа от их основного вида бизнеса. Программа у компании была, однако её посчитали недостаточной, по решению суда *Shell* должна была нивелировать ранее вложенные инвестиции. Таким образом, компания, которая вкладывала в новые месторождения на протяжении десятилетий, вынуждена терпеть убытки в связи с европейским курсом на зелёную энергетику.

Второй инструмент, которым было оказано давление на нефтегазовый сектор со стороны западного правительства, — это так называемые зелёные финансы. При помощи этих инструментов напрямую ухудшалась инвестиционная привлекательность нефтегазовых проектов. Банки затрудняют инвестиции в энергетику, завышая процентные ставки по кредитам, направленным на развитие месторождений нефти и газа. Сверхприбыль, в свою очередь, направляется на субсидирование зелёных проектов — на строительство ветряков, солнечных панелей и прочего. Конечно, оказавшись под таким давлением, энергетические компании всё меньше инвестировали в новые проекты.

Дополнительное давление оказала пандемия коронавируса, в связи с чем потребление нефти и газа значительно снизилось. В таких условиях компаниям не хватало средств ни на инвестирование в новые проекты, ни на поддержание добычи в текущих. В результате наблюдается эффект недостаточности финансирования: старые проекты и месторождения истощаются, а новые не разрабатываются, потому что в течение последних 3–4 лет в них не поступало необходимых инвестиций. Однако спрос восстанавливается

на все энергоресурсы, но существующее предложение его удовлетворить не может. В связи с чем мы можем наблюдать дефицит на всех энергетических рынках.

Конфликт между Россией и Западом не создал, а только усугубил уже существующие проблемы. Если бы военная спецоперация на Украине не началась, мир все равно столкнулся бы с дефицитом и высокими ценами. Соответственно, санкции пока что не повлияли на российский рынок углеводородов. Скорее именно неофициальное давление привело к большим проблемам, потому что многие компании — покупатели нефти опасаются приобретать российскую нефть. Особенно заметно это было в марте, когда был отказ от покупки именно российской нефти, считая, что это повлечёт за собой значительные имиджевые издержки.

К маю этот эффект поступенно снижается, и компании уже не так сильно обращают внимание на происхождение приобретаемой нефти. В случае усугубления дефицита потребители в западных странах будут крайне недовольны высокими ценами на ресурсы. Более того, правительства и США, и ЕС понимают, что высокие цены на нефть приводят к росту цен на бензин, что напрямую коррелируется с конечной стоимостью потребительских товаров. В свою очередь, эта цепочка приведёт к росту инфляции. Следовательно, неформальное давление на российскую нефть также снижается, по итогу показатели экспорта в Европу могут быть лучше, чем в марте или апреле.

А. М.: За прошедшие 2,5 месяца можно было наблюдать формирование новых тенденций. Первые эмоциональные или имиджевые факторы давления постепенно сменяются реальными потребностями и ценовой политикой, которая сопровождается соответствующее отношение дискриминации токсичных активов.

Существует ли возможность, что при угасании первичной реакции на мировых рынках российская нефть через дополнительных посредников будет возвращать свои позиции?

И. Ю.: Действительно, сегодня мы наблюдаем очень интересные процессы трансформации рынков. Формируется долгосрочная тенденция по изменению рынков сбыта. Среди европейских стран сохраняется тенденция сокращения зависимости от российской нефти и газа. Эта тенденция была доминирующей, особенно она обострилась в марте—апреле. Россия, в свою очередь, всё больше уходит в Азию: активно наращиваются поставки в Индию. Эта направленность прослеживается в статистике при сравнении текущего года с 2021 г. В первую очередь нефть нужна для внутреннего рынка Индии: её перерабатывают на прибрежных НПЗ, а затем полученную нефтепродукцию перепродают в Европу как собственные нефтепродукты.

Однако на данный момент мы можем наблюдать возвращение к закупкам российских энергоресурсов европейцами, потому что российская нефть дешёвая.

При переходе российских поставок на азиатские рынки поставщикам приходится бороться с конкурентами (ближневосточные и африканские производители). В связи с чем России приходится продавать нефть со скидкой около 30 %. При стандартной цене на нефть 100–110 долл. за баррель российские компании продают *Urals* по 70–80 долл. Эта разница в цене позволяет сместить с азиатских рынков ближневосточных производителей, которые начинают переходить на рынки Европы. В складывающейся ситуации европейцы заинтересованы в покупке нефти по более низким ценам. Сейчас в Европе активно используется нефть сорта *Latvian light*. Для его создания используется российская нефть *Urals* и дизельное топливо из Польши, сделанное опять же из российской нефти. В результате получается более лёгкий сорт нефти.

Если рассматривать шестой пакет санкций, запрещающий импорт российской нефти в ЕС, то в данном случае сигналы экономической рациональности начали поступать из Соединённых Штатов. США также скорректировали свою политику: если ранее звучали призывы о полном отказе от российских ресурсов, сейчас же заявления стали более сдержанными. В первую очередь это связано с растущей в США инфляцией.

Принимаемые США на нефтяных рынках меры не принесли фактически никаких результатов. Несмотря на просьбы США ко всем странам ОПЕК и отдельно КСА об увеличении добычи с целью создания дополнительного предложения, страны ОПЕК+ сообщили, что наращивание темпов идёт в соответствии с соглашением и больших темпов ожидать не стоит. Далее США обратились к странам-импортёрам с призывом освободить стратегические резервы, как сделали они сами, но это ни к чему не привело.

Сейчас можно наблюдать, что программа распродажи стратегических резервов США уже заканчивается, а стоимость нефти — по-прежнему 100–110 долл. за баррель. В связи с чем нарастает инфляция в США, растёт недовольство со стороны населения по отношению к администрации Дж. Байдена. В США существует чёткая корреляция между ростом цен на бензин и отношением к действующему президенту. Вследствие чего можно наблюдать обеспокоенность администрации страны этой тенденцией.

Министр финансов США Дж. Йеллен стала высказываться против жёсткого пакета санкций по отношению к нефтяной индустрии России. Эта позиция обуславливается тем, что при сокращении Россией экспорта нефти значительно возрастет дефицит на общемировом рынке, соответственно произойдёт подорожание нефти всех доступных производителей.

Исходя из этого получается, что Россия всё равно продолжит поставки нефти в Азию, а за счёт увеличивающейся цены компенсирует убыток от сокращения объёмов экспорта в Европу. При сохранении этой тенденции в первую очередь пострадают потребители, в том числе и в США.

Эта расстановка сил толкает в том числе и председателя Европейской комиссии Урсулу фон дер Ляйен задуматься над целесообразностью эмбарго в отношении российских энергоресурсов.

В первоначальном варианте текста шестого пакета санкций указывался запрет на страхование сделок по продаже российской нефти и запрет на её транспортировку. Эти меры действительно могли бы привести к сокращению российского экспорта в связи с логистическими трудностями. Сейчас об этих мерах уже не упоминается, пакет санкций начинает пробуксовывать.

Формально санкции блокирует Венгрия, однако можно наблюдать, что и другие страны Центральной Европы их не поддерживают. В первую очередь это обуславливается тем, что в ряде стран (Чехия, Словакия, Венгрия и др.) энергетическая сфера была построена ещё в советские годы и была рассчитана на получение нефти из России по трубопроводу «Дружба». Кроме того, НПЗ настроены именно на российский сорт. В связи с чем экстренно его заменить будет крайне сложно. Возможно, отдельные государства, как Британия, на национальном уровне введут запрет на импорт российской нефти, но пока общеевропейского решения мы не видим.

А. М.: Явно прослеживается тренд на рост цен. В долгосрочной или в среднесрочной перспективе насколько России выгодно переориентировать свои рынки на восточных, юго-восточных потребителей, азиатских потребителей? И каким образом это повлияет на структуру рынка? Будут ли какие-то существенные сдвиги по архитектуре рынка, по переделу сфер влияния? Будет это в форме консенсуса между экспортёрами, понимая тот факт, что ближневосточным и другим экспортёрам выгоднее продавать европейцам, а мы уйдем на освободившиеся рынки Юго-Восточной Азии и в другие регионы? Это долгосрочная игра или это всё-таки игра в расчёте на то, что в ближайшем будущем возможно снова всё вернуть к прежней схеме и к прежней географии экспорта?

И. Ю.: В конечном счёте складывается впечатление, что обмен рынками нефти произошёл на среднесрочную перспективу. Потому что, если рассматривать чисто технические аспекты, складывается впечатление, что мало кто верит в отказ от российской нефти на общеевропейском уровне. На данный момент ни один НПЗ в Европе не начал переориентироваться на другие сорта нефти, все по-прежнему работают на *Urals*.

Даже Польша, которая активнее других выступала за новый пакет санкций, не переориентировала свои заводы на другие сорта. Частично они за-

купают нефть у Саудовской Аравии, но и импорт *Urals* не прекращён. На данный момент скупается вся доступная нефть, тем более что российский бренд можно приобрести с 30%-ной скидкой.

А. М.: *Следовательно, география торговых потоков России сохранится, пусть и через посредников. Однако основной удар санкций пришёлся на область фрахта, страхования и нефтесервисную отрасль. По прогнозам западных экспертов, давление санкций приведёт к существенным ограничениям добычи нефти, так как нет запасных частей, нет доступа к новым технологиям. Насколько можно оценить потенциал российского импортозамещения внутри страны за счёт собственных возможностей либо переориентации импорта из других стран?*

И. Ю.: Пока что глобальное изменение на нефтяном рынке не предвидится. Потому что рынки были выстроены с экономической точки зрения: европейцам удобно у нас покупать, а ближневосточные и африканские страны-производители в основном уходят на азиатские рынки. Сегодняшнее перестроение диктуется в основном политикой. Но, как правило, экономика в итоге побеждает, и в целом рынки могут остаться такими, какими были раньше. Кроме того, Россия не увеличивает объёмы прокачки по ВСТО, хотя есть возможность увеличить пропускную способность на 10 % как минимум, чтобы нарастить экспорт в Азию.

С газом ситуация складывается совсем иначе. Стратегически европейцы от своего стремления как минимум сократить зависимость от российского газа не уйдут. России нужно использовать эти годы, пока европейцы снижают зависимость от отечественного газа, на то, чтобы переориентировать поставки на азиатские рынки. Стратегически это правильно, поскольку европейцы всё равно собирались отказываться от газа в принципе, а не только из России.

России необходимо заключать договора с Китаем о строительстве «Силы Сибири – 2», необходимо самостоятельно строить СПГ-заводы. У России есть возможность строить среднетоннажные СПГ-заводы, однако для строительства крупнотоннажных технологий нет. Планировалось, что она будет разработана к 2030 г., после этого ещё примерно 5 лет уйдёт на строительство. В связи с этим возникают вопросы о возвращении инвестиций в разработку технологий, в строительство СПГ-заводов. В экспорте газа необходимо стратегически переориентироваться, потому что тенденция по отказу от российского газа в Европе останется.

Если рассматривать вопрос импортозамещения, то наиболее проблемным вопросом является СПГ, особенно если Россия планирует использовать его для перехода на азиатские рынки. Необходимо уже сейчас начинать строительство среднетоннажных заводов, поскольку со строительством

крупнотоннажных есть ряд вопросов. Нужно начинать строить очереди на 0,9 млн, фактически 1 млн т, что позволит создать гибкость в рынках сбыта, создавать свои танкеры-газовозы.

В нефтяной индустрии есть сложности в области нефтесервиса, поскольку с 2014–2015 гг. Россия находится под санкциями, запрещающими поставку оборудования на разработку шельфовых месторождений и трудноизвлекаемой нефти. Самостоятельно прорывов в этих областях совершено не было, даже при использовании западных технологий развитие вряд ли бы произошло ввиду высокой себестоимости шельфовой нефти. Однако Россия может развить направление по добыче трудноизвлекаемых запасов нефти.

Если говорить об импортозамещении в нефтеперерабатывающих отраслях, то время ещё есть, поскольку недавно прошла модернизация НПЗ и российские заводы находятся на европейском уровне и глубине переработки. Резкой остановки в связи с нехваткой импортного оборудования не произойдёт. Тем не менее сохраняется вопрос, насколько экономически мы сможем конкурировать после перехода на отечественное или китайское оборудование.

Сейчас более остро стоит вопрос разработки сложных нефтяных месторождений, учитывая, что в мире закончились простые, каждое следующее месторождение становится более сложным, нефть — трудноизвлекаемой.

А. М.: Наиболее острый вопрос — это судьба «Северного потока», особенно «Северного потока — 2», который снова стал актуален в связи с тенденцией на Украине по отключению распределительных станций ГТС. По этой причине можно ли говорить о реалистичности постановки вопроса о введении в эксплуатацию «Северного потока — 2»?

И. Ю.: На практике долгое время газовая сфера оставалась вне конфликта. Лишь в мае мы столкнулись с проявлениями, где газовая сфера тоже затягивается в конфликт России и Запада. Первое было в середине апреля, когда Польша и Болгария отказались переходить на расчёты в рублях, и газ в эти страны напрямую из России теперь не поставляется. Польша на следующий день стала покупать ещё больше российского газа, только теперь — получать его транзитом через Германию.

Но на самом деле пугает тенденция сокращения возможных маршрутов для поставки российского газа в Европу. Первый момент, опять же, связан с Польшей. Дело в том, что де-факто она национализировала долю «Газпрома» в компании операторе *EuRoPol GAZ* польского участка газопровода Ямал — Европа. 48% акций принадлежало «Газпрому». Теперь он не может ни распоряжаться ими, ни получать дивиденды.

Россия как государство ввела прямые санкции вот против *EuRoPol*, и теперь «Газпром» не может с ними взаимодействовать в экономической сфере, а значит, не может осуществлять транзит, потому что плата за транзит запрещена санкциями. Газопровод Ямал — Европа теперь работает как артерия, которая снабжает только Белоруссию. Дальше из Белоруссии в Польшу газ уже не может поступать, и «Газпром» вынужден исполнять эти санкции точно так же, как европейские компании исполняют европейские санкции. Поэтому «Ямал — Европа» для газоснабжения ни Польши, ни Германии сейчас не может быть использован.

Украина, соответственно, перекрыла одну из артерий входа газа на свою газотранспортную систему для дальнейшего транзита. Киев заявил, что газоизмерительная станция «Сохрановка» не может быть использована, потому что этот район перешёл под контроль ЛНР. Хотя на самом деле контроль перешёл от киевских властей к ЛНР уже некоторое время назад, и в этом плане непонятно, что же изменилось. Российская сторона была абсолютно права, указывая, что не важно, кто контролирует с военной или политической точки зрения этот район: транзит осуществляется.

На данный момент действительно через Украину транзит снизился. И по всей видимости, «Газпром» перейдёт на оплату только фактического транзита газа, потому что оператор газотранспортной системы тоже нарушил условия контракта, по которому «Газпром» имеет право подавать газ через «Сохрановку». Украинская сторона призналась, что их действия не соответствуют контракту.

В конечном счёте получается, что для поставки газа в Европу остаётся только часть газотранспортной системы Украины, через которую сейчас проходит около 44–50 млн куб. м в сутки. В случае если Киев потеряет контроль над участком границы, где проходит сейчас действующая труба и стоит газоизмерительная станция «Суджа», они могут заявить о приостановке транзита газа через территорию Украины. Тогда уже возникнут реальные сложности с доставкой российского газа в Европу.

В данном случае один из вариантов, который можно всегда использовать, — это «Северный поток — 2». Газопровод полностью достроен, находится в рабочем состоянии, стоит под давлением. В крайнем случае, если случится ЧП на территории Украины и если европейцы захотят получать в полном объёме газ, «Газпром» готов им поставить его по «Северному потоку — 2».

А. М.: *Ваши прогнозы на ближайшие сроки?*

И. Ю.: Мы видим, что по нефтяной индустрии происходит небольшой обмен рынками сбыта, но сама ситуация на нефтяном рынке, скорее всего, усугубится. Китай уже фактически два месяца находится в жёстком локда-

уне, они борются со вспышкой коронавируса после Олимпиады. Но опыт показывает, что они все-таки его поборют, уже сейчас частично разблокировали Шанхай. В этом плане объём потребления нефти в Китае будет существенно нарастать.

Сейчас мы видим, что нефть стоит 100–110 долл., когда Китай на локдауне. А что будет, когда он закончится и люди начнут перемещаться, как раньше, и потребление нефти вырастет? Конечно, в этом плане цены возрастут, что убавит стимулов европейцам принять меры эмбарго.

Соединённые Штаты тоже давят на Евросоюз, потому что сейчас не время лишать мир российской нефти, не стоит провоцировать усугубление и так имеющегося кризиса. Я думаю, что тема эмбарго на российскую нефть со стороны Евросоюза немножко поугаснет. Сейчас закончится саммит Евросоюза, на котором Венгрия уже заявила, что будет блокировать любую попытку запрета российских энергоресурсов, поэтому постепенно эмбарго уйдёт на второй план.

По газу тоже будет наблюдаться тенденция усугубления ситуации на мировых рынках для потребителей, потому что начинается летний период, а пик потребления, как правило, устанавливается в июле. Ранее был только зимний пик потребления газа, сейчас он есть и летом, причём как в Европе, так и в Азии. Это связано с жаркой погодой и использованием кондиционеров.

В этом плане, я думаю, Китай оттянет часть СПГ-рынка на себя, потому что сейчас СПГ активно пришёл в Европу, что привело к сокращению поставок и российского газа. Китай будет восстанавливаться после локдауна, и часть СПГ вернётся на азиатские рынки, но и потребление во всём мире чуть поднимется по сравнению с прошлым периодом. Сейчас межсезонье, когда отопления уже нет, но при этом нет и кондиционирования. Поэтому думаю, что и цены могут вернуться в район 1000 долл. за 1000 куб. м.

В этом плане пока ценовая конъюнктура и на нефтяном, и на газовом рынке на стороне России. В условиях, когда всё дорого, сложно отказаться от российских углеводородов. Вполне возможно, что в июне–июле мы сможем нарастить объём добычи в связи с ростом экспорта нефти. С газом, как мне кажется, ситуация идентичная.

В стратегическом плане всё будет зависеть от урегулирования на Украине. Чем быстрее оно произойдёт, тем быстрее европейцы могут восстановить экономические отношения с Россией. В любом случае они могут заявить, что сама острая часть кризиса подошла к концу, поэтому часть санкций в отношении России больше не имеет смысла.

Станислав МИТРАХОВИЧ

Аза Мигранян: *Редакция хотела бы узнать: насколько действующая ситуация соответствует прогнозам, данным 3 месяца назад? Действительно ли произошёл полный разрыв отношений в энергосфере или переход в серую зону, произошёл ли ожидаемый тектонический сдвиг в структуре торговли? Кроме того, как долго продлится действующий кризис?*

Станислав Митрахович: Я думаю, что мы находимся всё ещё в стадии так называемой эскалации кризиса, до стадии деэскалации пока ещё не дошли. Трудно сказать, оправдались ли наши ожидания, потому что процессы, которые мы наблюдаем, ещё не пришли к своему завершению, кроме тех прогнозов, которые касались конкретных месяцев.

Международное энергетическое агентство заявило, что по итогам апреля российская добыча сократится на треть. Этого как раз не произошло, напротив, российская добыча сократилась на 10 % по итогам апреля, что подтвердило само агентство. Позднее А. Новак официально заявил о росте в начале мая*.

Соответственно, можно зафиксировать, что наиболее жёсткие прогнозы, которые были со стороны Запада, не оправдались. Если был расчёт на экономический блицкриг, то чисто технически он не сработал, а падение добычи — вовсе не на треть, а где-то на 10%.

Министерство экономического развития и Министерство финансов России заявляли о том, что падение к концу года может быть до 17 %.

Рассматривая ситуацию в газовой отрасли, в ближайшей перспективе в плане добычи никаких существенных изменений не фиксируется. Однако вместе с тем объём экспорта с каждым месяцем ослабевает. Пока нельзя сказать, как это скажется на годовой динамике, но если смотреть именно по месяцам, то снижение поставок могло происходить и раньше, например в 2020 г., исходя из ситуации со спросом. На данный момент потребление тоже снижается — не столько по причине санкций, а скорее по причине динамики ЕС по уменьшению промышленного производства в принципе.

Тенденция сокращения производства не нова, страны ЕС отказываются от энергоёмкой промышленности (химическая, металлургическая, машиностроение). В связи с этим ниша переходит в США, Китай и Турцию. Есть

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: stasmitr@mail.ru. SPIN-код: 6679-3103.

* Отдельно необходимо отметить, что ранее все эксперты и аналитики ориентировались на статистические данные ЦДУ ТЭК. Однако в связи с последними событиями и состоянием фактической экономической войны эти публикации прекратились. Сейчас даже центральные новостные агентства ссылаются на «источник, знакомый со статистическими данными».

мнение, что при отказе от российских энергоресурсов Германия потеряет большую часть своего производства и станет получать прибыль за счёт туризма, как Испания.

Однако это произойдёт, только если Германия пойдёт по жёсткому сценарию. Сейчас мы можем наблюдать, что эмбарго введено только на уголь, переговоры относительно нефти и газа продолжаются. По моему мнению, нефтяное эмбарго если и будет принято, то отлично от того, как заявлялось весной 2022 г.

Относительно торговли газа тоже давались заявления о готовности отказа. В действительности же крупные покупатели в ЕС, которые имеют политическую поддержку, в прекращении поставок не заинтересованы, так как не хотят полностью лишиться производства и прибыли. Вероятнее всего, они найдут для себя способы продолжения торговли с Россией, в том числе и за рубли. Главным вопросом на данный момент являются разногласия о том, когда сделку можно считать завершённой. Российская сторона заявляет, что сразу после поступления рублей на счёт «Газпрома» — а Европейская комиссия говорит, что компании должны делать заявление, что они заплатили, и на этом этапе сделка становится завершённой.

Подобное поведение со стороны ЕК и стран ЕС выглядит как попытка сохранить видимость осуществления контрактов в валюте. Однако в действительности произошла замена валюты платежа, а не контракта. Итоговая стоимость всё равно рассчитывается в евро, поскольку она привязана к биржевым индикаторам. Для России переход на оплату в рублях является первым шагом к дедолларизации.

Отдельно нужно отметить, что ведущие страны ЕС, имеющие большое политическое значение, будут импортировать газ по новой схеме. Тогда как более мелкие страны, такие как Польша, Болгария и Финляндия, от торговли отказываются. Болгария уже перестала получать газ из России.

А. М.: Позвольте вопрос: после первых заявлений Болгарии появилась информация о том, что страна покупает у Германии российский газ по реверсу. Соответственно, получается, что Россия продаёт Германии сверх оговорённой величины контракта?

С. М.: Нет, торговля идёт в рамках контрактов, «Газпром» не идёт на уступки по продажам на электронной торговой площадке, которая закрыта с осени 2021 г. Запасы газа в Европе есть, особенно учитывая сокращение промышленного производства, соответственно, их можно перепродавать. Совершенно точно, что в Польшу поступает российский газ через Германию по «Северному потоку — 2», далее — через «Ямал — Европа» по физическому реверсу. Скорее всего, Болгария приобретает газ у соседних стран, возможно, у немецких компаний. В любом случае эти шаги по частичному

сокращению импорта из России ведут к увеличению цены, соответственно, с экономической точки зрения Россия выигрывает.

В связи с этим возникает вопрос о динамике цен. Учитывая текущие тенденции, падения не предвидится. По заявлению норвежских консалтинговых компаний, цена на бирже может вырасти до 3,5 тыс. как на спот, так и на фьючерсы.

Вполне возможно, если ЕС начнёт скупать больший объём СПГ, а часть стран будут приобретать российский газ через соседей, общее количество газа на рынке сократится, что приведёт к крайне напряжённой обстановке на рынке. При такой динамике цены могут вырасти ещё больше, что, в свою очередь, приведёт к ещё большему сокращению промышленного производства*.

Заявления о готовности разорвать экономические отношения с Россией во многом упираются в необходимость в случае разрыва заново выстраивать всю экономику Европы. В таких условиях будут крайне дорогие ресурсы: и нефть, и газ, и уголь. Сложность современной европейской экономики заключается в её разобщённости. Есть более богатые страны, есть более бедные, в странах разный уровень индустриализации, более того, у государств ЕС разные взаимоотношения с Россией. В связи с чем привезти их к общим показателям будет крайне сложно.

К сожалению, у многих ещё сохранилось восприятие однополярного мира, с действующими экономиками только в западном мире, в связи с чем возникают инициативы создать некий картель покупателей (анти-ОПЕК).

Однако на сегодняшний день мировой баланс экономик претерпел значительные изменения и создать подобное объединение становится невозможным. Китай сейчас является крупнейшим импортёром сырья, а Индия стала крупным экспортёром, у обеих стран растущие экономики и растущее население. Набирают обороты экономики Бангладеш и Пакистана.

Конечно, уровень жизни в этих странах пока не достиг западного уровня, но развитие идёт, потребителям необходима энергия для обеспечения качественного уровня жизни.

В долгосрочной перспективе увеличение потребления нефти, нефтепродуктов и газа для Индии станет крайне важным. В связи с чем отказываться от взаимодействия с Россией, даже под давлением Запада, для страны будет невыгодно. Однако у Индии весьма сложные взаимоотношения с Китаем, что значительно усложняет российско-индийское сотрудничество. Но несмотря на этот факт, Индия вряд ли присоединится к антироссийскому флангу, поскольку это противоречит всей индийской стратегии.

* В связи с массовым сокращением производства возникают сложности и в социальной сфере стран ЕС. Многие люди теряют работу и финансовую безопасность. В свою очередь, это приводит к политическим волнениям. Исходя из этого может сложиться впечатление, что руководства стран ЕС ориентируются не на объективные факторы, а по обстановке.

Рассматривая перспективы теневых схем торговли нефтью и нефтепродуктами — для российской нефти всё равно найдутся покупатели, поскольку этот продукт нужен всему миру. Если рассматривать азиатские рынки, то это около 3 млрд потребителей.

И кстати, Пакистан интересен в каком плане? Там и так был энергетический кризис в конце 2021 года, а сейчас ситуация ухудшается. Потому что часть трейдеров, которые поставляют газ и имеют долгосрочные контракты, видят, что есть страны, которые в этой безумной гонке ценовой готовы заплатить настолько больше, что это даже окупит тот штраф, который они должны заплатить пакистанскому покупателю за то, что разрывают контракт. Хотя у пакистанцев нормальные долгосрочные контракты с нефтяной индексацией. Но была вот ситуация, когда в конце 2021 г. Япония, Китай, Южная Корея и Европа включились в ценовую дуэль и перекупили объёмы газа, который мог бы пойти в менее богатые страны. То есть проще было той же *Gunvor* заплатить штраф пакистанцам, чем довезти туда газ. Но что это означает? Что в Пакистане был очень серьёзный энергетический кризис с остановкой предприятий.

Значит, в текущем году, в 2022 г., скорее всего, ситуация будет ещё сложнее, потому что Европа будет, попытается скупать весь газ, который, что называется, «плохо лежит», то есть продаётся в режиме спота. И даже будут пытаться разрывать часть долгосрочных контрактов в тех случаях, где трейдеров удастся убедить, что штраф легче заплатить, чем доставить газ в относительно небогатые страны вроде Пакистана. Значит, цена этого газа будет ещё больше расти. Это означает, что у бедных стран этого газа не будет. Я не исключаю в таких условиях масштабных волнений, сноса правительства и попыток договориться с поставщиками напрямую, без всяких трейдеров, в том числе с той же самой Россией. Кстати, в Пакистане произошла смена власти несколько недель назад, фактически с использованием Конституционного суда и Верховного суда отстранили от власти предыдущего премьер-министра, который ездил в Россию, в Москву в том числе, в конце февраля 2022 г., сразу после начала боевых действий на Украине. Но этот человек остался популярен в Пакистане, и на фоне того, что экономические проблемы в Пакистане никуда не ушли, там начинаются масштабные акции протеста. Я не удивлюсь, если к концу года, когда там будет ещё более масштабный энергетический, а вслед за ним экономический и социально-политический кризис, власть может снова поменяться не в ту сторону, которая нужна американцам. Так что здесь будут последствия очень масштабные.

А. М.: В связи с этим мы можем выделить два основных энергетических трека. Это в первую очередь удорожание в силу конкуренции за излишки или, наоборот, за существующие объёмы энергоресурсов. Второй трек — это структурная перестройка потоков и изменение направления движения, которое мы

на сегодня наблюдаем. По этой причине как Россия будет решать вопрос национализации западными компаниями активов «Газпрома»?

Отдельный вопрос — относительно закрытия Украиной доступа к одной из газораспределительных станций. При таких условиях можно ли говорить об изменениях использования инфраструктуры, возможной реанимации проекта «Северный поток — 2»? Или же будет смещение в сторону «Силы Сибири», формирование «Силы Сибири — 2», расширение нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО)? Как в таких условиях будут меняться правила торговли и как на них будет реагировать Россия?

С. М.: Вице-премьер А. Новак уже сказал, что ВСТО-3 — хороший вариант для российской энергосферы. Однако необходимо понимать, что нефтепроводы строят достаточно долго. По моему мнению, на строительство ВСТО-3 уйдёт около трёх лет. Более шести лет уйдёт на согласование по «Силе Сибири — 2». В случае если бы строительство этого газопровода было начато, санкционная война выглядела бы значительно иначе. К сожалению, у России достаточно много проектов, которые ещё не готовы.

Ярким примером является сложность России с технологиями сжижения газа. Ранее использовалась технологии компаний *Linde* (Германия) и *Air Products and Chemicals, Inc* (США), своя технология так и не была разработана.

Далее — что касается ситуации с газораспределительной станцией «Станхановка». Украина уже достаточно время её не контролировала, но скрывала эту информацию. В настоящее же время украинские власти пытаются оказать давление на ЕС, возможно по рекомендации США, которые давно хотели расколоть российско-европейскую кооперацию.

В обход заблокированной станции планировалась транспортировать газ через «Ямал — Европу», который идёт через Белоруссию в Польшу. Однако долю «Газпрома» в компании *EuRoPol GAZ*, которая владеет польским участком, национализировали польские власти. Вследствие чего российское правительство запретило «Газпрому» перечислять деньги в пользу *EuRoPol GAZ*. Итогом этого манёвра стала невозможность распределения украинского транзита на «Ямал — Европу».

Хватит ли оставшихся объёмов, прокачивающихся через Украину, через станцию «Суджа», будет зависеть от запросов в Европе. На данный момент запросы не слишком большие, поскольку есть надежда на деэскалацию кризиса и сезонное понижение цен. Кроме того, есть предложения покупать газ у соседей, возможно даже на деньги Европейской комиссии.

В планах ЕК — взять на себя полномочия управления кризисом. Однако весьма вероятен конфликт между странами из-за выделенных отдельным странам объёмов закупки и льгот по сравнению с другими. Кроме того, сейчас происходит выяснение относительно платы за газ по новой схеме: часть стран может, а части стран это запрещено. Более того, на официальном пор-

тале ЕК и ЕС отсутствует инструкция по платежам. Многие компании прямо заявляют, что они не понимают, как им действовать в текущей ситуации.

А. М.: Скажите, пожалуйста, наблюдается ли изменение модели поведения наших так называемых союзников: стран СНГ, стран Каспийского региона (Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркмения) в конкуренции за китайские рынки либо, в потенциале, на взаимодействие и выход на более широкие европейские или международные рынки?

С. М.: Упомянутые страны, скажем честно, решили пройти между Сциллой и Харибдой. Не совсем верными оказались ожидания, что они выступят в поддержку России. Эта тенденция особенно ярко показывается в Казахстане, РК и страны Средней Азии заявили о необходимости соблюдения ими антироссийских санкций.

Возможен сценарий получения неплохих доходов для стран ЦАР, включая, например, Киргизию, при организации параллельного импорта в Россию. Возможны заработки стран ЦАР при предоставлении посреднических услуг по логистике и по финансовым транзакциям. Однако наблюдается уклончивое поведение со стороны стран ЦАР: они всё же опасаются вторичных санкций со стороны США и Европы, поэтому не слишком спешат использовать открывающееся перед ними окно возможностей как посредников в торговле между Россией и миром.

С Азербайджаном сейчас особые отношения, он не готов публично заявлять, что готов сотрудничать с Россией по новым транспортным каналам. Официальная позиция Азербайджана заключается в поставках дополнительного газа в Европу, который по итогу будет конкурировать с российским. В итоге власти страны пытаются сохранить равновесие между Россией и Западом.

Турция, хоть и не относится к ближнему зарубежью, тоже пытается сохранить это баланс. На данный момент через Турцию проходят много российских логистических маршрутов, турецкие бренды активно выходят на отечественный рынок. Но вместе с тем Турция продаёт оружие на Украину.

В результате можно наблюдать ситуацию, при которой практически все формальные партнёры России по Евразийскому экономическому союзу и по ОДКБ на самом деле ведут себя достаточно аккуратно. Все они ждут развития событий, и от этого во многом зависит их политика.

А. М.: Как можно охарактеризовать политику ближневосточных и арабских партнёров? Есть ли перспективы некой энергетической кооперации с целью формирования и расширения новых полномочий ОПЕК, с тем чтобы в большей степени иметь возможность защищать интересы экспортёров энергоресурсов?

С. М.: Я думаю, перспективы есть. Американцы три месяца пытались разрушить ОПЕК+, этого сделать просто физически не удалось — альянс держится. Согласованные внутри ОПЕК+ планы на увеличение добычи работают, тогда как американцы пытались добиться увеличения добычи сверх плана. Однако этого не произошло, более того, 400 тыс. или 432 тыс. баррелей в сутки ежемесячного прироста прописываются только на уровне документов ОПЕК+.

В действительности же этого не происходит, потому что, во-первых, в России добыча снижается, а во-вторых, потому что многие страны достигли потолка своих возможностей. Свободные мощности остались буквально в считаном количестве стран: Саудовская Аравия, Эмираты, отчасти Ирак, отчасти Кувейт. Если бы американцам удалось разрушить сделку три месяца назад, сейчас бы всё выглядело иначе.

Во-первых, падение цен не в интересах поставщиков.

Во-вторых, арабов не устраивает попытка американцев договориться с Ираном.

В-третьих, есть личные разногласия между нынешним американским президентом и наследным принцем Саудовской Аравии **. На арабских лидеров произвело впечатление американское размахивание «финансовой саблей».

С одной стороны, с помощью оружия можно кому-то угрожать и заставить подчиниться. С другой стороны, если это оружие используется слишком часто, то у других акторов, обладающих схожими силами, появляется желание уменьшить связи с агрессором.

Соответственно, при излишнем давлении КСА может переориентироваться на Китай, перейдёт на заключение контрактов в юанях (что уже постепенно происходит). Нельзя исключать приток в страну китайских военных в некой перспективе. Несомненно, это происходит не быстро, саудиты пытаются договориться о совокупности уступок, в том числе касающихся Ирана.

Но нужно понимать, что, с одной стороны, нельзя исключать возобновления сотрудничества КСА и США, но вместе с тем противоречия между странами с каждым годом становятся всё существеннее.

Можно как пример рассмотреть Катар, который, сохраняя зависимость от США, продолжает поддерживать отношения и с другими странами. Несмотря на то что на территории страны находится американская военно-воздушная база Эль-Удейд, Катар продолжает сотрудничать с Ираном и торговать его продукцией. Иран помог им пережить блокаду со стороны КСА. Продажи катарского газа идут в Азию, помимо американской базы,

* ОАЭ тоже пытались действовать более независимо. Они месяца полтора назад пригласили сирийского президента Б. Асада, которого пытались свергнуть на протяжении 10 лет, с визитом, что является достаточно показательной ситуацией.

есть и турецкая. В отношении с Россией существует Форум стран — экспортёров газа. Конечно, на данный момент он не слишком востребован, но при желании его можно возобновить. Форум может представлять собой некую альтернативу Международному энергетическому агентству

Не так давно прошли переговоры В. В. Путина с президентом Алжира А. Теббуном. По заявлению пресс-службы Кремля, переговоры касались в том числе вопроса взаимодействия по Форуму стран — экспортёров газа **. Соответственно, в формате форума возможно провести согласование относительно экспорта в Европу, сформулировать видение нового европейского рынка. Таким образом, это общее видение России, Катар и Алжира будет уже серьёзным вкладом в формировании новых рынков.

У России есть возможность работать с Катаром — это Форум стран — экспортёров газа, с другими арабскими монархиями по ОПЕК+. Недавно наследный принц КСА Салман сказал, что новая сделка ОПЕК+ должна включать в себя Россию. Поэтому варианты есть, возможно подключать другие всевозможные организации или форумы («Большая двадцатка», БРИКС, АСЕАН и др.).

А. М.: Понятно, что ещё как минимум до конца этого года будет сохраняться зона нестабильности для российских экспортёров энергетических ресурсов, а динамика и тенденции в большей степени будут зависеть от военно-политической ситуации на просторах Евразийского континента. Неопределённость на энергетических рынках будет усиливаться, так как пока не пройдены пиковые значения летнего потребления и сохраняются проблемы наполненности хранилищ в Европе, растущей конкуренции на дефицитном рынке, ценовой конкуренции между основными потребителями, которые будут пытаться перебить и перехватить не только излишки, но и основные объёмы энергоресурсов. В совокупности эти и другие факторы, очевидно, будут приводить к изменению модели потребления, к закрытию основных производителей, потребляющих энергоресурсы, и к уменьшению объёмов европейского потребления. Если попытаться дать небольшой прогноз, скажем, на 2—3 месяца, хотя бы до осени, учитывая перечисленные факторы, можем ли мы говорить о процессе украинизации Евросоюза, то есть изменении экономической модели, когда от экономики полного цикла она становится экономикой потребления, экономи-

* Встреча прошла через несколько дней после визита итальянской делегации в Алжир. Необходимо отметить, что дополнительного объёма газа для поставок в Италию у Алжира нет. Единственным вариантом будет перенаправить тот объём, который сейчас не идёт в Испанию. Непосредственно в Испанию идут два маршрута — через Марокко и напрямую. Первый маршрут не функционирует уже полгода в связи с разногласиями между Алжиром и Марокко относительно Западной Сахары, Испания поддержала позицию королевства. Исходя из этого получается, что у Алжира есть собственные представления относительно газовой отрасли и относительно международной политики.

кой сервисной? И соответственно, мы понимаем, что будут закладываться совершенно иные направления и центры экономического роста в мире. И эти центры явно будут смещаться куда-то на восток в развивающиеся страны и, конечно же, в Америку — и Латинскую, и Северную, и Южную. Как вы считаете, какие страны будут основными бенефициарами всей этой ситуации и с точки зрения энергетического рынка и интересов России как мы можем воспользоваться этим глобальным изменением?

С. М.: Я полагаю, что для России это будет достаточно масштабным потрясением. К проигравшей стороне можно отнести Европу, а Украина понесёт максимальные потери.

Победителями станут те, у кого будет экономический рост — это Китай, Турция, Индия, США — в зависимости от того, как они приспособятся к новой ситуации.

Если рассматривать Турцию, к ней многие обращаются с предложениями сотрудничества. Страны Запада пытаются склонить республику к более жёстким мерам относительно России. Непосредственно Россия стремится наладить через Турцию всевозможную торговлю, будет крайне важна физическая и финансовая инфраструктура. Будет неудивительно, если большая часть энергетического партнёрства и вся остальная торговля будут идти через Турцию, через турецкие фирмы, через турецкие порты. Конечно, это требует времени для доработки, но вполне реально. Вполне возможно, что энергоёмкая промышленность будет перемещаться из Германии в Турцию, что приведёт к формированию страны в промышленного лидера региона.

Часть промышленности уйдёт в США, в основном это касается крупных производителей нефти и газа. В Америке совершенно иные относительно Европы цены на газ, соответственно пропадает необходимость развивать сферу в ЕС, так как есть более дешёвый газ и за океаном, и в Турции, и в России.

Несомненно, стратегически выигрывает Китай, поскольку имеет хорошие отношения с РФ, а сейчас возникают многочисленные поводы занимать российский рынок потребительских товаров. Россия же может строить новые нефтегазопроводы, наращивать импорт угля в Китай. В связи с уходом технологий западных в Россию станут приходить технологии Поднебесной. В связи с чем для Китая будет стратегически невыгодно допустить поражение России.

Если рассматривать ситуацию с Индией — она стратегически самостоятельна, вследствие этого она не будет считаться союзником России. Но вместе с тем она будет очень важным партнёром для РФ, следовательно, необходимо заключать новые договоры. Если рассмотреть экспорт Индии более детально, можно понять, что он не слишком большой, то есть для России

на данном этапе страна не является конкурентом. Возможно, в будущем он будет наращиваться, но это произойдёт далеко не сразу.

Существуют опасения, что Китай займёт сегмент рынка, который могла бы занять Россия. Однако в данном случае необходимо отдельно изучать, какие аспекты мы можем создавать самостоятельно, а какие брать из Китая. По моему мнению, в нефтесервисе России необходимо создавать собственные технологии. Но возможно и создание совместных предприятий. Важно сохранить баланс, чтобы не заменить одностороннюю зависимость от Европы на Китай.

Что касается стран Центральной Азии и Закавказья — они находятся в зоне выбора вариантов, кто из них будет готов рисковать своей экономикой, кто не очень готов. В идеале необходимо убедить руководство этих стран брать на себя определённый риск работать с Россией, но в долгосрочном плане оно все равно оправдается. Россия близко, соответственно можно работать на экспорте, импорте, на предоставлении финансовых, логистических и прочих услуг. Америка, в конце концов, далеко, и гарантии, что она даст такие же деньги, которые можно заработать в России, нет.

Вот на этом направлении нам нужно работать.

INCREASED SANCTIONS AGAINST RUSSIAN ENERGY MARKET. INTERVIEWS

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Received: 10.06.2022.

For citation: Increased Sanctions Against Russian Energy Market. Interviews / M. R. Salikhov, I. V. Yushkov, S.P. Mitrakhovich. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (18). P.6–33. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Keywords: economic sanctions, oil and coal export embargoes, dynamics of energy prices, geopolitical factors, global energy market, EU energy market.

Abstract

The article presents analytical assessments by leading experts of the situation on the world energy markets in the context of increased sanctions from the collective West against Russian energy companies, energy exporters and total logistical, financial and other restrictions in relation to all market participants under the threat of secondary sanctions. The analysis of the geopolitical and economic consequences of the impact of these sanctions on the world market participants, conducted by experts, allows us to substantiate new trends in the development of the sector.